

Вино Вайоминга / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Вино Вайоминга / рассказ ВИНО ВАЙОМИНГА

Был жаркий полдень в Вайоминге; вдали виднелись горы и снег на вершинах, но они не отбрасывали тени, и в долине желтели пшеничные поля, на дороге стояла пыль от проезжающих машин, и все деревянные домики по окраине города пеклись на солнце. Я сидел за столиком на заднем крылечке у Фонтэнов, в тени высокого дерева, и мадам Фонтэн принесла с погреба холодного пива. Автомобиль, ехавший по шоссе, свернул на проселок и остановился перед домом. Двое мужчин вылезли из машины и прошли в калитку. Я спрятал бутылки под стол. Мадам Фонтэн встала.

— Где Сэм? — подойдя к затянутой сеткой двери, спросил один из мужчин.

— Его нет дома. Он на работе, в шахте.

— Пиво есть?

— Нет. Пива больше нет. Вот последняя бутылка. Все вышло.

— А он что пьет?

— Это последняя бутылка. Все вышло.

— Бросьте, дайте нам пива. Вы же меня знаете.

— Пива больше нету. Последняя бутылка. Все вышло.

— Поедем дальше, достанем где-нибудь и получше здешнего, — сказал другой, и они пошли к машине. Один из них пошатывался. Машина дернула, сделала крутой поворот, вынеслась на шоссе и скрылась из глаз.

— Поставьте пиво на стол, — сказала мадам Фонтэн. — Чего вы испугались? Зачем вы это? Нехорошо пить пиво из бутылки на полу.

— Я не знал, кто они такие, — сказал я.

— Пьяные, — сказала она. — В этом-то вся беда. Купят где-нибудь, а потом скажут, что здесь брали. Может быть, они, правда, не помнят. — Она говорила иногда по-французски, но чаще по-английски попеременно с французскими словами.

– Где Фонтэн?

– Возится с вином. Mon Dieu, он обожает вино.

– Но вы любите пиво?

– Oui! Я люблю пиво, но Фонтэн обожает вино.

Мадам Фонтэн, уроженка города Ланс, была довольно полная старушка с приятным румяным лицом, вся седая, очень чистенькая и аккуратная; в доме ее тоже все блистало чистотой и опрятностью.

– Где вы обедали?

– В отеле.

– Кушайте у нас. Нехорошо manger в отеле или ресторане. Кушайте здесь.

– Мне не хочется затруднять вас. И в отеле кормят неплохо.

– Я никогда не обедаю в отеле. Может быть, там и неплохо кормят. За всю свою жизнь я только один раз обедала в Америке в ресторане. И знаете, что мне подали? Сырую свинину!

– Да что вы?

– Правда, правда. Свинину, недожаренную! А мой сын женат на américaine и ест только консервы из бобов.

– А они давно женаты?

– Oh, mon Dieu, я даже не знаю. Его жена весит двести двадцать пять фунтов. Она не работает. Она не стряпает, она кормит его консервами из бобов.

– Что же она делает?

– Читает. Только и делает что читает книги. Целый день валяется в постели и читает. И детей она больше иметь не может. Слишком толста. Для ребенка места нет.

– Что же это она?

– Целый день читает. Он хороший garçon. Много работает. Раньше он был шахтером, теперь работает на ранчо. Он никогда не работал на ранчо, но хозяин сказал Фонтэну, что у него еще не было такого хорошего работника. А когда он приходит домой после работы, она его не кормит.

– Почему же он не разведется с ней?

– У него нет денег на развод. И он обожает ее.

– Она красивая?

– Ему кажется, что красивая. Когда он привел ее, я чуть не

умерла от горя. Он такой хороший *garçon* и всегда так много работает, не шатается зря и такой смирный. И вдруг поехал на нефтеразработки и привез эту *Indienne*, а весила она уже тогда ровно сто восемьдесят пять фунтов.

— Она индианка?

— Ну да, *mon Dieu*. Она всегда, *tout le temps*, говорит сукин сын, черт побери. И не работает.

— Где она сейчас?

— В театре.

— В театре?

— В кинотеатре. Только и делает что читает да в кино ходит.

— У вас есть еще пиво?

— *Mon Dieu, oui*. Конечно, есть. Приходите вечером, пообедаете с нами.

— Хорошо. А что принести с собой?

— Ничего не надо. Ничего не приносите. Может быть, у Фонтэна вино уже будет готово.

Вечером я обедал у Фонтэнов. Мы ели в столовой, и стол был покрыт чистой скатертью. Мы пробовали молодое вино. Оно было очень легкое, светлое и приятное, и в нем еще чувствовался вкус винограда. За столом, кроме меня, сидели хозяин, хозяйка и их младший сын Андрэ.

— Что вы сегодня делали? — спросил Фонтэн, сухонький старичок, изможденный работой на рудниках, с обвислыми седыми усами и ясным взором; родом он был из Сантра, близ Сент-Этьена.

— Работал над книгой.

— И все сошлось по вашим книгам? — спросила мадам Фонтэн.

— Он говорит про книгу, которую сам пишет. Он писатель, — объяснил Фонтэн.

— Папа, можно мне в кино? — спросил Андрэ.

— Можно, — сказал Фонтэн. Андрэ повернулся ко мне.

— Как вы думаете, сколько мне лет? Можно поверить, что четырнадцать? — Он был худ и мал ростом, но по лицу видно было, что ему уже шестнадцать.

— Да. Можно поверить, что четырнадцать.

— Когда я хожу в кино, я весь съеживаюсь, чтобы казаться

поменьше. — Голос у него был очень звонкий, ломающийся. — Если я плачу двадцать пять центов, мне сдачи не дадут, но если плачу только пятнадцать, меня тоже пускают.

— Тогда я дам тебе только пятнадцать центов, — сказал Фонтэн.

— Нет. Дай мне все двадцать пять. Я разменяю по дороге.

— Только возвращайся домой *tout de suite* после кино, — сказала мадам Фонтэн.

— Хорошо, я сейчас же вернусь. — Андрэ вышел из комнаты. Вечер становился прохладным. Он оставил дверь открытой, и снаружи потянуло холодком.

— *Mangez!* — сказала мадам Фонтэн. — Вы совсем ничего не кушаете.

Я уже съел две порции курятины с жареным картофелем, три порции кукурузы, несколько огурцов и две порции салата.

— Может быть, он хочет кекса, — сказал Фонтэн.

— Надо было мне взять кекса для него, — сказала мадам Фонтэн.

— Кушайте сыр. Это хороший, из сливок. Вы совсем ничего не кушаете. Надо было взять кексу. *Americains* всегда едят кекс.

— Но я наелся до отвала.

— Кушайте! Вы ничего не ели. Съешьте все. Мы никогда ничего не оставляем на завтра. Кушайте еще.

— Возьмите еще салату, — сказал Фонтэн.

— Я принесу еще пива, — сказала мадам Фонтэн. — Вы, наверно, проголодались за целый день на своей книжной фабрике.

— Она не понимает, что вы писатель, — сказал Фонтэн. Старик был деликатен в обращении, но хорошо помнил армейский жаргон и солдатские песенки, бывшие в ходу к концу девяностых годов, когда он отбывал воинскую повинность. — Он сам пишет книги, — объяснил он жене.

— Вы сами пишете книги? — спросила мадам Фонтэн.

— Случается.

— О! — воскликнула она. — О! Вы сами их пишете. О! Тогда вы, конечно, проголодались. *Mangez!* Я сейчас принесу *de la biere*.

Мы слышали, как она по лестнице спустилась в погреб. Фонтэн улыбнулся мне. Он очень снисходительно относился к людям, которые не обладали его опытом и знанием жизни.

Когда Андрэ вернулся из кино, мы втроем сидели на кухне и

беседовали об охоте.

— В День Труда мы все поехали к Чистому Ручью, — сказала мадам Фонтэн. — Oh, mon Dieu, как жаль, что вас с нами не было. Мы все поехали на грузовике. Tout le monde est alle на грузовике. Это было в воскресенье. На грузовике Чарли.

— Мы ели, пили вино, пиво, а один француз, который тоже поехал с нами, привез абсенту, — сказал Фонтэн. — Француз из Калифорнии!

— Mon Dieu, как мы пели! Один фермер вышел посмотреть на нас, мы дали ему выпить, и он немного побыл с нами. А потом подошли Italiens, и они тоже хотели остаться. Мы спели смешную песенку про итальянцев, но они ничего не поняли. Они не понимали, что они нам мешают, а мы не стали с ними разговаривать, и они скоро ушли.

— А рыбы много наловили?

— Очень мало. Мы пошли удить рыбу, но ненадолго, а потом вернулись и опять принялись петь. Мы пели, понимаете, — сказал Фонтэн.

— А ночью, — сказала мадам Фонтэн, — все женщины спали в грузовике. Мужчины легли у костра. Среди ночи, слышу, подходит Фонтэн и хочет взять еще вина, а я говорю ему, mon Dieu, Фонтэн, оставь что-нибудь на завтра. Завтра нечего будет пить, и все будут огорчены.

— Но мы все выпили, — сказал Фонтэн. — И на завтра ничего не осталось.

— Что же вы делали?

— Рыбу ловили. По-настоящему ловили.

— Верно. Отличной форели наловили. Mon Dieu, oui. Все одинаковые, полфунта и одна унция.

— Крупные?

— Полфунта и одна унция. Порционные. Все одинаковые, полфунта и одна унция.

— Вы любите Америку? — спросил меня Фонтэн.

— Видите ли, это моя родина. И я люблю ее, потому что это моя родина. Но едят в Америке неважно. Когда-то ели хорошо, а теперь нет.

— Oui, — сказала мадам Фонтэн. — Едят неважно. — Она покачала

головой. — А потом здесь слишком много поляков. Когда я была маленькой, ма мере говорила мне. Ты ешь как les Polacks. Я не понимала, что это значит — Polacks. Тогда не понимала, а здесь, en Amérique, я поняла. Слишком много поляков. Et, mon Dieu, они грязные, les Polacks.

— В Америке прекрасная охота и рыбная ловля, — сказал я.

— Да. Это лучше всего. Охота и рыбная ловля, — сказал Фонтэн.

— Какое у вас ружье?

— Духовое, двенадцатикалиберное.

— Это хорошо. — Фонтэн кивнул головой.

— Я тоже хочу на охоту, — сказал Андрэ звонким мальчишеским голосом.

— Тебе нельзя, — сказал Фонтэн. Он повернулся ко мне. — Они просто дикари, эти юнцы. Они рады застрелить друг друга.

— Я буду охотиться один! — с азартом крикнул Андрэ. — Совсем один.

— Тебе нельзя на охоту, — сказала мадам Фонтэн. — Ты еще маленький.

— Я буду охотиться один! — еще пронзительнее крикнул Андрэ. — Я хочу стрелять мускусных крыс.

— Что это такое — мускусные крысы? — спросил я.

— Вы никогда не видели их? Наверно, видели. Их еще называют ондатрами.

Андрэ обеими руками сжимал двадцатидвухкалиберное ружье, которое он достал из шкафа.

— Они дикари, — сказал Фонтэн. — Они рады застрелить друг друга.

— Я буду охотиться один, — упрямо повторил Андрэ. Он прицелился из ружья. — Я хочу стрелять мускусных крыс. Я знаю, где их много.

— Дай сюда ружье, — сказал Фонтэн. Он опять повторил, обращаясь ко мне. — Это дикари. Они готовы застрелить друг друга.

Андрэ крепко сжимал ружье.

— Я только целюсь. Что же тут такого? Я только целюсь.

— Он обожает охоту, — сказала мадам Фонтэн. — Но он еще маленький.

Андрэ спрятал двадцатидвухкалиберное ружье обратно в шкаф.

— Когда я вырасту, я буду стрелять зайцев и мускусных крыс, — сказал он. — Один раз я ходил с папой на охоту, и он только подстрелил зайца, а убил его я.

— Верно, — Фонтэн кивнул. — Он убил зайца.

— Но папа сначала подстрелил его, — сказал Андрэ. — А я хочу охотиться один и стрелять один. На будущий год мне уже можно будет. — Он уселся в угол и раскрыл книгу. Я заглянул в нее, когда мы после обеда перешли из столовой в кухню. Книга была библиотечная: «Фрэнк на борту канонерки».

— Он любит книжки, — сказала мадам Фонтэн. — Но это лучше, чем шататься по ночам с другими garçons и воровать.

— Книжки — это хорошо, — сказал Фонтэн. — Monsieur сам пишет книги.

— Oui, c'est vrai. Конечно. Но слишком много книг — нехорошо, — сказала мадам Фонтэн. — En Amérique книги — это болезнь. Как и церкви. Здесь слишком много церквей. Во Франции только les catholiques et les protestants и очень мало protestants. Но здесь много, много разных церквей. Когда я приехала сюда, я все говорила, oh, mon Dieu, на что столько церквей?

— Верно, — сказал Фонтэн, — слишком много церквей.

— Недавно, — сказала мадам Фонтэн, — к нам приехала одна девочка, француженка, со своей матерью, родственницей Фонтэна, и она говорит мне: «En Amérique не надо быть catholique. Нехорошо быть catholique. Américains не любят, когда кто-нибудь catholique. Это как сухой закон». А я говорю ей: «Кем же ты хочешь быть, а? Раз уж ты catholique, то лучше уж и оставаться catholique». А она говорит: «Нет, нехорошо быть catholique в Америке». А я думаю, что если кто catholique, то лучше уж оставаться catholique. Нехорошо менять свою веру.

— Вы ходите в церковь?

— Нет. В Америке я не хожу в церковь, только иногда, очень редко. Но я все-таки остаюсь catholique. Нехорошо менять свою веру. Mon Dieu, non.

— Говорят, что Смит католик, — сказал Фонтэн.

— Так говорят, но кто его знает? — сказала мадам Фонтэн. — Вряд ли Смит catholique. В Америке очень мало catholiques.

– Мы католики, – сказал я.

– Oui, но вы живете во Франции, – сказала мадам Фонтэн. – Вряд ли Смит catholique. Он жил когда-нибудь во Франции?

– Поляки – католики, – сказал Фонтэн.

– C'est vrai, – сказала мадам Фонтэн. – Они идут в церковь, потом всю дорогу домой лезут друг на друга с ножами и весь воскресный день режут друг друга. Но они не настоящие catholiques. Они Polack catholiques.

– Все католики одинаковые, – сказал Фонтэн. – Католики все похожи друг на друга.

– Я не верю, что Смит catholique, – сказала мадам Фонтэн. – Это ужасно смешно, если он catholique. Я не верю.

– Он правда католик, – сказал я.

– Смит – catholique, – задумчиво повторила мадам Фонтэн. – Никогда бы не поверила. Mon Dieu, il est catholique.

– Принеси еще пива, Мари, – сказал Фонтэн. – Monsieur хочет пить, и я тоже.

– Oui, сейчас, – отозвалась мадам Фонтэн из соседней комнаты. Она спустилась в погреб, и мы слышали, как скрипят ступени. Андрэ сидел в углу и читал. Фонтэн и я сидели за столом, и он налил пива из последней бутылки в наши стаканы, оставив немного на донышке.

– Хороша в Америке охота, – сказал Фонтэн. – Я очень люблю стрелять уток.

– Во Франции тоже отличная охота, – сказал я.

– Верно, – сказал Фонтэн. – У нас там много дичи. Мадам Фонтэн вернулась из погреба с бутылками пива в руках.

– Il est catholique, – сказала она. – Mon Dieu, Смит est catholique.

– Вы думаете, он будет президентом? – спросил Фонтэн.

– Нет, – сказал я.

На другой день я поехал к Фонтэнам – сперва в тени городских домов, потом по пыльной дороге, свернул на проселок и остановил машину у калитки. День опять был жаркий. Мадам Фонтэн вышла на заднее крыльцо. Она была точно бабушка Мороз – чистенькая, румяная, вся седая и походка вперевалочку.

— Bonjour, — сказала она. — Mon Dieu, какая жара. — Она пошла в комнаты за пивом. Я сидел на крылечке и сквозь сетку на двери и листву высокого дерева смотрел на дрожащий от зноя воздух и на далекие горы. Горы были бурые, в глубоких бороздах, а над ними высились три пика и покрытый снегом ледник, белеющий сквозь деревья. Снег был очень белый, очень чистый и казался ненатуральным. Мадам Фонтэн вышла на крыльцо и поставила на стол бутылки,

— На что это вы смотрите?

— На снег.

— Красивый снег.

— Выпейте со мной стаканчик.

— Ну что ж. За красивый снег. Она села на стул рядом со мной.

— Смит, — сказала она. — Как вы думаете, если он будет президентом, опять разрешат вино и пиво?

— Конечно, — сказал я. — Смит не подкачает.

— Мы уже заплатили семьсот пятьдесят пять долларов штрафа, когда арестовали Фонтэна. Два раза нас арестовывала наша полиция, а один раз федеральная. Все, что мы скопили, пока Фонтэн работал в шахте, а я ходила по стиркам. Все отдали. А Фонтэна посадили в тюрьму. Он в жизни своей мухи не обидел.

— Он хороший человек, — сказал я. — Это просто позор.

— Мы ведь дорого не берем. Вино — доллар за литр. Пиво — десять центов бутылка. Мы никогда не продаем пиво, пока оно не готово. А многие продают пиво сразу, как только сварят, и тогда от него голова болит. Что мы делали плохого? А Фонтэна посадили в тюрьму, и нам пришлось отдать семьсот пятьдесят пять долларов.

— Возмутительно, — сказал я. — А где Фонтэн?

— С вином возится. Теперь ему надо смотреть за ним, чтобы не испортить, — улыбнулась она. Она уже забыла о штрафе. — Вы знаете, он обожает вино. Вчера вечером он принес немножко, вот то, что вы пили, и еще чуточку молодого. Совсем молодого. Оно еще не поспело, но он пробовал его, а сегодня утром подлил в кофе. Понимаете, в кофе! Он обожает вино. Он уж такой. Родина его такая. У нас, на севере, вина не пьют. Все пьют пиво. Мы жили рядом с большой пивоварней. Когда я была маленькая, я не

любила запаха хмеля, я отворачивалась от тележек, на которых его привозили. И в полях, где он растёт, не любила. Mon Dieu, как я не любила запаха des houblons. Хозяин пивоварни сказал мне и моей сестре, чтобы мы пришли в пивоварню и выпили пива, и тогда мы полюбим запах хмеля. И верно. После этого мы его полюбили. Хозяин велел налить нам пиво. Мы выпили и после этого полюбили запах хмеля. Но Фонтэн, он обожает вино. Один раз он убил зайца и попросил меня сделать к нему соус с вином, чёрный соус с вином и поджаренными грибами и луком и всякой всячиной. Mon Dieu, я сделала такой соус, а он съел его весь и говорит: «Соус вкуснее зайца». На его родине так едят. Там много дичи и много вина. А я люблю картофель, колбасу и пиво. C'est bon, la biere. C'est tres bon для здоровья.

– Да. Пиво, это хорошо, – сказал я. – И вино неплохо.

– Вы как Фонтэн. Но здесь я видела такое, чего никогда в жизни не видала. И вы, наверно, не видели. Были у нас américains, и они подливали виски в пиво!

– Не может быть, – сказал я.

– Oui. Mon Dieu, c'est vrai. И одну женщину вырвало прямо на стол!

– Неужели?

– Правда, правда. Ее вырвало на стол. А потом на ее туфли. А потом они еще приезжали и сказали, что хотят в будущую субботу опять устроить вечеринку, а я сказала, нет, mon Dieu, non. Когда они приехали, я заперла дверь.

– Противно, когда так напиваются.

– Зимой, когда les garçons едут на танцы, они подъезжают в машинах, и дожидаются у калитки, и говорят Фонтэну: «Эй, Сэм, продай нам бутылку вина», – или они берут пиво и вытаскивают из кармана бутылку виски и подливают в пиво и пьют. Mon Dieu, в жизни моей не видела ничего подобного. Подливать виски в пиво! Уж этого я никак понять не могу.

– Они того и хотят, чтоб их тошнило, тогда они по крайней мере чувствуют, что пьяны.

– Как-то раз заходит un garçon, который часто к нам приезжает, и просит меня приготовить им ужин и несколько бутылок вина, и девушки тоже будут, а потом они поедут на танцы. Я сказала,

хорошо. Приготовила я им ужин, и они приехали, все уже навеселе. А потом стали подливать виски в пиво. Mon Dieu, oui. Я говорю Фонтэну, их стошнит. Oui, говорит он. Потом девушек стошнило, а девушки были очень милые, славные такие. Их рвало прямо на стол. Фонтэн хотел взять их под руку и показать им, где уборная, там удобнее, когда тошнит, но les garçons сказали, не надо, им и здесь хорошо, за столом.

Вернувшийся домой Фонтэн подошел к нам.

— Когда они опять приехали, я заперла дверь. Нет, говорю, и за полтора доллара не пущу. Mon Dieu, non.

— По-французски есть слово для людей, которые так себя ведут,

— сказал Фонтэн. Его разморило от жары, и он казался очень старым.

— Какое?

— Cochons, — сказал он очень деликатно и как бы стесняясь произнести такое крепкое слово. — Они вели себя как свиньи. Это очень сильное выражение, — добавил он извиняющимся тоном.

— Но... прямо на стол. — Он сокрушенно покачал головой.

— Свиньи, — сказал я. — Иначе не назовешь. Просто свиньи. Пакостники.

Грубые слова были неприятны Фонтэну. Он поспешил заговорить о другом.

— Бывает, что приезжают и очень славные люди, очень воспитанные, — сказал он. — Например, офицеры с форта. Очень милые, славные люди. Все, кто хоть раз побывал во Франции, приезжают сюда выпить вина. Они любят вино.

— Был один офицер, — сказала мадам Фонтэн, — которого жена никуда не пускала. И вот он говорит ей, что устал, и ложится в постель, а как только она уйдет в кино, он бежит прямо к нам, иногда в одной пижаме, только пальто накинёт. Мари, ради бога, говорит, дайте пива. И сидит у нас в пижаме и пьет пиво, а потом возвращается в форт и опять ложится в постель, прежде чем жена придет, из кино.

— Удивительный чудака, — сказал Фонтэн, — но очень славный.

— Mon Dieu, oui, очень славный, — повторила мадам Фонтэн. — Всегда уже в постели, когда жена приходит из кино.

— Я завтра уезжаю, — сказал я. — В индейскую резервацию. Мы

хотим поспеть к открытию охоты на тетеревов.

– Да? Но вы еще вернетесь сюда? Вы приедете к нам?

– Непременно.

– К тому времени и вино поспеет, – сказал Фонтэн. – Разопьем вместе бутылочку.

– Три бутылочки, – сказала мадам Фонтэн.

– Приеду непременно.

– Так мы вас ждем, – сказал Фонтэн.

– Спокойной ночи, – сказал я.

Из резервации мы вернулись днем. Мы были на ногах с пяти часов утра. Накануне мы отлично поохотились, но в тот день за все утро не видели ни одного тетерева. Ехать в открытой машине было очень жарко, и мы остановились перекусить в тени, под высоким деревом на обочине дороги. Солнце стояло высоко, и клочок тени под деревом был очень мал. Мы поели сэндвичей и сухого печенья, нам очень хотелось пить, и мы очень устали и были рады, когда наконец выехали на шоссе, ведущее в город. Мы заметили впереди колонию луговых собачек, остановили машину и стали стрелять по ним из пистолета. Двух собачек мы убили, но потом прекратили стрельбу, потому что те пули, которые не попадали в цель, отскакивали от камней и летели в поле, а за полем виднелись деревья на берегу ручья и жилой дом, и мы не хотели нарываться на неприятности из-за шальных пуль, летевших в сторону дома. Мы поехали дальше и наконец очутились на дороге, которая спускалась под гору к окраине города. Вдали, по ту сторону равнины, высились горы. В тот день они были голубые, и снег на вершинах сверкал точно стекло. Лето подходило к концу, но на вершинах гор еще не было свежавывающего снега, – только старый, подтаявший на солнце снег со льдом, и он ярко сверкал издалека.

Нам хотелось посидеть в тени и выпить чего-нибудь холодного. Мы обгорели на солнце, губы у нас потрескались от жары и солончаковой пыли. Мы свернули на проселок к Фонтэнам, остановили машину у калитки и вошли в дом. В столовой было прохладно. Мы застали мадам Фонтэн одну.

– Только две бутылки пива, – сказала она. – Все вышло. А новое

еще не готово.

Я дал ей немного дичи.

— Вот это хорошо, — сказала она. — Они вкусные. *C'est bon*. Спасибо. — Она вышла, чтобы убрать тетеревов в прохладное место. Когда мы допили пиво, я встал.

— Нам пора, — сказал я.

— Вы ведь приедете вечером? Фонтэн приготовит вино.

— Мы заедем до отъезда.

— Разве вы уезжаете?

— Да. Мы едем завтра утром.

— Как жаль, что вы уезжаете. Так приходите вечером, Фонтэн приготовит вино. Мы устроим пир перед вашим отъездом.

— Мы заедем до отъезда.

Но в тот день пришлось отправлять телеграммы, проверить машину, — одну камеру пропороло камнем, и ее надо было залить, — и я пешком пошел в город и сделал все, что нужно было сделать до отъезда. К вечеру я так устал, что решил остаться дома. Нам не хотелось разговоров на чужом языке. Нам только хотелось пораньше лечь в постель.

Лежа в постели среди вещей, которые служили нам все лето и утром будут упакованы в чемоданы, чувствуя прохладный ветерок с гор, проникающий в открытые окна, я подумал, как нехорошо, что мы не поехали к Фонтэнам, — но тут же уснул. На другой день мы укладывались и заканчивали наше лето, — на это ушло все утро. Мы позавтракали и в два часа были готовы к отъезду.

— Нужно заехать проститься к Фонтэнам, — сказал я.

— Да, нужно.

— Боюсь, они ждали нас вчера.

— Мы все-таки могли бы поехать. — Жаль, что мы не поехали.

Мы простились с управляющим в конторе отеля, и с Ларри, и другими знакомыми в городе, а потом поехали к Фонтэнам. И хозяин и хозяйка были дома. Они обрадовались нам. Фонтэн казался очень старым и утомленным.

— Мы ждали вас вчера вечером, — сказала мадам Фонтэн. — Фонтэн приготовил три бутылки вина. А когда вы не приехали, он все выпил.

— Мы на одну минутку, — сказал я. — Только заехали проститься.

Нам очень хотелось приехать вчера вечером. Мы собирались приехать, но мы очень устали после охоты.

— Пойди принеси вина, — сказал Фонтэн.

— Нет вина. Ты все выпил. Фонтэн был очень расстроен.

— Я достану, — сказал он. — Подождите две минуты. Я все выпил вчера. Мы его для вас приготовили.

— Я так и думала, что вы устали. Я говорила ему, *mon Dieu*, они не придут, они слишком устали, — сказала мадам Фонтэн. — Пойди достань вина, Фонтэн.

— Я отвезу вас в машине, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Фонтэн. — Так будет скорее.

Мы сели в машину и, проехав по шоссе с милю, свернули на проселок.

— Вам понравится это вино, — сказал Фонтэн. — Оно удалось мне. Выпьете его вечером за ужином.

Мы остановились перед бревенчатым домом. Фонтэн постучал в дверь. Никто не откликнулся. Мы обошли кругом. Задняя дверь тоже была заперта. Возле двери валялись пустые жестянки. Мы заглянули в окно. Внутри никого не было. В кухне было грязно и неприбрано, но все окна и двери крепко заперты.

— Вот сукина дочь. Где это она шляется? — сказал Фонтэн. Он был в отчаянии.

— Я знаю, где достать ключ, — сказал он. — Подождите меня здесь. — Он подошел к соседнему дому, постучал в дверь, поговорил с женщиной, которая вышла на порог, и наконец вернулся. В руках у него был ключ. Мы попытались открыть им входную дверь, потом заднюю, но ничего не выходило.

— Вот сукина дочь, — сказал Фонтэн, — шляется где-то.

В окно мне было видно, где хранилось вино. Подойдя вплотную к окну, я чувствовал запах, который стоял внутри дома. Запах был приторный и тошнотворный, как в индейской хижине. Вдруг Фонтэн схватил лежавшую на земле доску и начал рыть землю возле задней двери.

— Я попаду в дом, — сказал он. — Попаду, сукина дочь. Во дворе соседнего дома какой-то мужчина возился с передним колесом старенького форда.

— Не делайте этого, — сказал я. — Вон тот человек увидит. Он

смотрит сюда.

Фонтэн выпрямился.

– Попробуем еще раз открыть ключом, – сказал он. Мы попробовали, но ничего не вышло. Ключ поворачивался на пол-оборота вправо и влево.

– Нам не попасть в дом, – сказал я. – Давайте вернемся.

– Я подкопаюсь под заднюю дверь, – предложил Фонтэн.

– Нет, нет, я не хочу, это опасно.

– Я подкопаюсь.

– Нет, – сказал я. – Он увидит. И у вас отберут вино.

Мы сели в машину и поехали обратно к Фонтэнам, по дороге вернув ключ соседям. Фонтэн не говорил ни слова, только ругался вполголоса. Он был удручен и подавлен. Мы вошли в дом.

– Вот сукина дочь! – сказал он. – Мы не могли достать вино. Мое собственное вино, которое я сам приготовил.

Вся радость исчезла с лица мадам Фонтэн. Фонтэн уселся в угол и подпер голову руками.

– Нам пора ехать, – сказал я. – Вы не огорчайтесь из-за вина. Выпейте без нас за наше здоровье.

– Куда ушла эта сумасшедшая? – спросила мадам Фонтэн.

– Не знаю, – ответил Фонтэн. – Не знаю, куда она ушла. А вы так и уедете без вина.

– Это неважно, – сказал я.

– Так не годится, – сказала мадам Фонтэн. Она покачала головой.

– Нам пора ехать, – сказал я. – Прощайте, всего хорошего. Спасибо вам за все.

Фонтэн покачал головой. Он был безутешен. Мадам Фонтэн с грустью смотрела на него.

– Не расстраивайтесь из-за вина, – сказал я.

– Ему так хотелось угостить вас своим вином, – сказала мадам Фонтэн. – Вы приедете в будущем году?

– Нет. Может быть, через два года.

– Вот видишь! – сказал ей Фонтэн.

– Прощайте, – сказал я. – Не огорчайтесь из-за вина. Выпейте без нас за наше здоровье. – Фонтэн покачал головой. Он не улыбнулся. Он понимал, что все погибло.

– Вот сукина дочь, – пробормотал Фонтэн.

– Вчера вечером у него было три бутылки, – сказала мадам Фонтэн, чтобы утешить его. Но он только покачал головой.

– Прощайте, – сказал он.

У мадам Фонтэн были слезы на глазах.

– Прощайте, – сказала она. Ей очень жаль было Фонтэна.

– Прощайте, – сказали мы. Мы все были очень огорчены.

Они стояли в дверях, а мы сели в машину, и я завел мотор. Мы помахали им на прощание. Они грустно стояли рядом на крылечке. Фонтэн выглядел очень старым, а мадам Фонтэн – очень грустной. Она помахала нам, а Фонтэн ушел в комнаты. Мы свернули с шоссе.

– Они так огорчены. Старик совсем расстроился.

– Надо было поехать к ним вчера.

– Да, надо было.

Мы пересекли город и выехали на бетонную дорогу; по обе стороны ее тянулось жнивье, справа виселись горы. Почти как в Испании, но это был Вайоминг.

– Я желаю им всяческого счастья.

– Не будет им счастья, – сказал я, – и Смит президентом тоже не будет.

Бетонное шоссе кончилось. Дальше мы ехали по щебню, потом равнина осталась позади, и между двумя отлогими холмами, у подножья горы, началась извилистая дорога вверх. Земля у подножья была красноватая, поросшая серыми кустами полыни, и когда дорога пошла круче, вдали, за холмами и за равниной, показались высокие горы. Теперь они были дальше от нас и еще сильнее напоминали Испанию. Дорога, сделав петлю, поднялась еще выше, и мы увидели впереди купающихся в пыли куропаток. Когда мы приблизились, они вспорхнули, часто хлопая крыльями, потом плавно опустились и сели на один из холмов под нами.

– Какие они большие и красивые. Они больше европейских.

– В Америке хороша охота. La chasse, – как говорит Фонтэн.

– А когда охота кончится?

– Их уже не будет в живых.

– Мальчик будет.

– Это еще неизвестно, – сказал я.

- Надо было поехать к ним вчера.
- Ох, да, – сказал я. – Надо было поехать.

1930.

Перевод В.Топер Некаýalar